

(00:13:42) (Начало записи)

Борис Акимов: Здравствуйте. Я думаю, что можно начинать, да? Меня зовут Борис Акимов. Сегодня мы будем говорить вот об этом. Повторять вслух не стоит, раз все могут читать. Пару слов скажу о себе. Я, наверное, как раз, как и большинство здесь сидящих в этом новом ряду, один из тех, кто смеет надеяться, что занимается активным освоением России. Мы когда-то с моим коллегой и другом Олегом Степановым занялись развитием территории. Это был еще 2015 год. Создали такую организацию, как АНО «Большая земля». Начали заниматься проектами развития районов, городов, сел, села и так далее. Все началось с Баренцева моря, поселок Териберка, потом работали на Кубани, Татарстане, много где.

И в какой-то момент, встречаясь с различными людьми, часть из них, которые представлены как раз здесь, на этих территориях, мы столкнулись с тем, что многое из того, что представляется таким общепринятым, что ли, в точке зрения того, как вообще устроена жизнь, как устроена экономика, что люди предпочитают, какие мотивации для них являются более существенными, какие нет. Наша практическая работа показывала, что все иногда несколько не так, а иногда просто принципиально совершенно иначе устроено, нежели принято считать. Я думаю, что здесь есть, с одной стороны, очень большая глобальная проблема, такой вызов, что ли, который, наверное, как раз на этом Форуме в этом году особенно ярко ощущается.

Мы какое-то долгое время, десятилетие, может быть, столетие, это может быть тема отдельной сессии, сколько времени, но жили в системе координат, когда наше сознание, по сути дела, было оккупировано западным гуманитарным дискурсом. Мы мыслили не по-русски, хотя, может быть, использовали русские слова, а в рамках той парадигмы, которая родилась где-то там на Западе, и, может быть, она была чем-то и неплоха, может быть, и хороша для своего времени, для своей территории, но точно сомнительна с точки зрения универсального ключа к жизни.

Но, тем не менее, как получилось, так получилось, и у нас всегда в голове сидят наборы штампов о том, как жизнь должна быть устроена, как она может быть устроена, и сегодня мы будем говорить о том, что это на самом деле не так, и почему это не так, и, исходя из этого, почему важно двигаться по территории нашей страны, почему мегаполис – это, мягко говоря, по мне, не очень хорошо, почему нам нужно о своей стране активно и ответственно заботиться. Вот надо сказать, что я к такому выводу о том, что нам нужно куда-то, если не бежать, то, во всяком случае, стремиться постепенно из мегаполисов в пространство нашей страны, пришел давно, когда я еще занимался бизнесом в Москве. Был такой у нас фермерский проект «Лавка-лавка», рестораны, магазины.

И, работая с фермерами, вот я сталкивался много с переселенцами тогда, это еще был 2010-2011-2012 год, когда это было в новинку, люди бросили все в Москве, куда-то уехали вглубь страны, у них почему-то еще все получилось, они стали востребованы, это меня прям заряжало, поражало. И у нас было такое еще средство массовой информации, ну, мало информации нашей газеты «Лавка-лавка» газеты, я в общем-то там написал такой

манифест по поводу того, что надо колонизировать собственную страну, это был какой-то 2011 год или 2012-й, и вообще тогда я любил на эту тему рассуждать, но чем дальше, тем более неуютно я это себя чувствовал, потому что говорил я все это из черты Бульварного кольца, то есть вот сидел тут недалеко на углу Покровки и Чистопрудного бульвара, и вот рассуждал о том, что надо осваивать свою страну, это так здорово, фермеры и прочие ремесленники, вообще творческие активные люди, которые куда-то переезжают, действуют, это такие молодцы, они герои, это важно.

Но чем дальше чувствовал себя неуютно, поэтому в конце концов все-таки присоединился к этим людям, которые меня восхищали, и тоже отправился из Москвы, из бульварного кольца в деревню Княжево Ярославской области, Переславского района, где, ну, собственно, зимой наше семейство соседствует только с одним еще домом жилым, летом там съезжаются дачники, такая небольшая деревня на 30 домов, откуда я сегодня, собственно, утром приехал, оторвавшись от всякой скотины, скотины в хорошем смысле.

(00:20:10)

Поэтому, да, я уже могу от имени переселенцев выступать полноценно, потому что сам стал этим самым переселенцем. Еще тогда, в 2011 году, когда у меня первый раз, наверное, пришла идея сформулировать такой манифест колонизации собственными силами собственной страны, меня как-то поразила, заново поразила вот эта формулировка, что мы живем в самой большой стране мира. Ну, потому что это заученная формулировка, она на самом деле штамп, в школе так говорят. Страна стала меньше в какой-то момент, в 1991 году, но все равно осталась самой большой в мире. И что мне с этого, да? Вот я живу пусть не на Бульварном кольце, а где-нибудь на Проспекте мира или где-то еще дальше в Москве или в каком-то другом крупном городе, какая мне разница? Я сел на самолет и улетел куда-нибудь в Турцию отдохнуть, а что там делается в Смоленской области, да откуда я знаю? И что там делать, нечего там делать.

А там театр прекрасный в деревне, об этом еще расскажут. И когда я стал об этом задумываться, я подумал, что вот это некое такое неоспоримое абсолютно достоинство, преимущество нас с вами, нашей страны вообще, нас с нами здесь, мы сидим, это наше преимущество, эти огромные территории, они на нас свалились не с Луны, не инопланетяне их нам дали, это, условно говоря, мы эту страну создали, мы, если вот взять нас, наших предков, вот наши предки, в каком-то широком смысле – это мы, это они построили, это им не сиделось на месте, они двигались куда-то, среди гигантского пространства, куда-то к океанам, к Северному, Тихому и так далее и создали гигантское пространство, которое нам досталось, мы за это несем ответственность, это вот наш дом, которому надо, понимаете, вот досталось вам, дом, квартира гигантская, наверное, в пятой, седьмой, восьмой комнате уже сложно убираться, но надо, это же наше, никто за нас это не сделает, а если кто-то сделает за нас, то будет уже не наше.

Поэтому, думаю, что это вопрос принципиального вообще выживания России и русского человека, и русской культуры в целом, это первое. Второе, это то, что это действительно такое наше достоинство, надо воспринимать это как такой вот подарок, что ли, который

нам достался, и которым надо с воодушевлением воспользоваться, и, собственно, двигаться вперед в будущее, понимая вот эти пространства, ощущая именно своими, когда мы говорим, что вот наша страна, моя страна, мой свитер, моя косоворотка, мой ноутбук, мой телефон, моя страна, в принципе, одного порядка вещи, вот если человек будет воспринимать, что моя рубашка и моя страна — это важные вещи для меня, страна еще важнее, но рубашка тоже, и это и моя, правда, страна, я за нее отвечаю, ни кто-то там где-то наверху, ни сосед, вот я, тогда мы двинемся куда-то в эти просторы, и они снова станут нашими, снова станут живыми.

Я хочу сказать, что у нас сегодня здесь присутствует, так, условно назовем их, хотя это условное разделение, четыре практика переселения, которые сами переселились и занялись важными, интересными проектами, которые развивают территорию, и их самих, собственно, развивают, и два, скорее, в большей смысле, теоретика, хотя они тоже, на самом деле, двигаются по стране, и много чего там делают и меняют в своей жизни, в стране, но я от них жду большего такого, скажем, теоретического осмысления. Чтобы сократить время, я не буду сейчас их представлять, потому что каждый про себя расскажет, а просто начнем с коротеньких выступлений. Антон Кузьмин.

Антон Кузьмин: Давайте сделаем так, пока нет презентации, проведем легкую разминку для рук, поднимите руку, кто живет в городе? Вот, отлично, поднимите руку, кто живет в деревне? Отлично, а теперь из тех, кто живет в городе, поднимите руку, кто хочет переехать в деревню? Почти большинство.

Немножечко о себе. Приемный родитель, девять детей приемных, трое своих, 17 лет я в проекте «Деревня «Орион», моя жена Мария, она с самого начала, 20 лет в этом году «Ориону», и с 2008 года «Орион» — это деревня на картах Российской Федерации.

(00:25:21)

Если вбить в навигатор, прямо появится деревня. Мы, наверное, первая деревня в Калужской области, появившаяся на картах с 1991 года, после нас уже были, но до нас еще точно не было. И проект начинался как поселок приемных семей, но в процессе он очень сильно трансформировался, сейчас бы мы себя назвали заповедником детства. Более того, прямо развиваем эту историю.

Почему я попросил поднимать руки, если внутри себя представить, что я из комфортной московской квартиры переезжаю в деревню, видится такой рубленый дом, русская печка, 20-30-40 соток земли, картошка и так далее. А если в этой деревне есть школа, детский сад, общественное пространство, где приезжают интересные люди, если вы вдруг из вашей деревни связываетесь с МКС, ваш флаг летает на МКС, если к вам приезжают оперные певцы просто потому, что интересно, то это уже не совсем деревня, это что-то новое, какой-то новый формат. Название этому формату мы пока не придумали, звучит как-то по-дурацки — Социополис, но он такой заезженный, он старенький. И такое ощущение, что прямо сейчас рождается какой-то новый феномен в России, по факту.

20 лет назад люди выезжали из деревни в город, потому что было некомфортно, потому что блага на улице, работы практически нет, денег нет и в городе за тебя очень много чего решается. За эти 30 лет технологии очень сильно поменялись. За стоимость 30-квдратной студии за МКАДом можно построить 200-квдратный дом со всеми удобствами на 15 сотках, это с отоплением, водой и канализацией. Транспортная доступность теперь меряется не километрами, а часами. Два часа от МКАДа – это вполне себе приемлемо, а это уже другая область. Ребята из Смоленской области подтвердят, два часа, и вы в другой области.

Борис Акимов: Я из Ярославской тоже подтверждаю.

Антон Кузьмин: Кажется, что два часа это почти Москва. Нет, там можно осваивать деревни в двух часах от МКАДа, спокойно. Там нет огромного количества желающих это делать, не говоря уже о пяти-десяти часах от МКАДа. Не хватает еще немного уголка, это достаточно старая фотография. Вот так сейчас выглядит район с высоты птичьего полета. В центре кругленькая наша школа и за ним здание, это старшая часть школы, младшая часть школы, детский сад. И школа является культурным центром, где все собираются на праздники, мероприятия и прочее. Школа является, естественно, основным работодателем нашей деревни.

Борис Акимов: Еще раз хотел подчеркнуть, что это как раз в чистом поле возникло. Ничего не было, было просто группа энтузиастов вместе с Антоном, которые хотели построить свою жизнь иначе, вокруг образования собственных и приемных детей.

Антон Кузьмин: Да, 22 года назад на этом поле сидела свекла, мы согнали свеклу и заехали. Мы возвращаемся к конструктиву. Вот про практиков, теоретиков. Очень сложно, когда ты на месте что-то физически делаешь, очень сложно это укладывать по полочкам и выдавать методичку. Но когда появляется много времени, много опыта, какие-то вещи случаются эмпирически. И мы за эти 20 лет вывели три основных показателя, зачем и что дает выезд. Первое, это добрососедство. Если ты выехал, обычный путь человека, я выехал в деревню, купил дом. И через два-три года оказалось, что из 50 дворов 40 – это дачники, из остальных 10 – люди с низкой социальной ответственностью и только двое, с которыми можно поговорить. Сам выезд не дает преференции. Соответственно, если выезжать, то в добрососедство.

(00:30:05)

Второе – это экологичность. И это не экологичность а-ля Грета Тунберг, а настоящая экологичность, когда ты сортируешь мусор не потому, что так надо, а так правильнее, выгоднее, проще. Когда вывоз мусора тебе стоит денег, ты начинаешь компост собирать отдельно, картон собирать отдельно, пластиковые емкости используются повторно, если что, утилизируются, потому что так правильно.

Борис Акунин: Потом на кур меньше денег надо, да? На корм кур. Что не доели дети, курам можно дать.

Антон Кузьмин: Абсолютно, да. Третье забыл. Ну, видимо, что-то было неважное. Представляете, вот так вот вышел из дома, и у тебя такая красота. То есть, наверное, третье было – это архитектура, потому что просто выехать в квадратные домики, из одних квадратных домиков выехать в другие квадратные домики, бессмысленно. За экологичностью идет экономичность. Мы как привыкли. Если деревня, то это сруб, пеноблок, какой-нибудь камень. Но это все очень долго, дорого и очень сложно топить. И прямо сейчас я ехал, и мы сейчас ведем переговоры с одной архитектурной компанией, которая хочет сделать пакетное предложение сельским школам. Я понял, а почему не сделать прямо пакетное предложение села? То есть, есть технологии, которые позволяют сейчас спокойно и быстро переехать. У нас 16 февраля на мой день рождения заехала бригада, 26-го выехала, и к маю месяцу у меня будет новый дом. Теплый, с электричеством, канализацией и водой. Но это секрет, как делать. Ну, можно приехать в гости, я покажу, проведу экскурсию, и сдам все явки и пароли, просто не сейчас.

Мы буквально вчера с нашим главой сидели, и у него проблемы с низкой ответственностью людей на месте. Приехал человек, купил дом, и все, обслуживайте меня. Чистите мне зимой дорогу, дайте моему ребенку школу, проведите мне электричество, желательно 15 киловатт, а если газ, то вообще замечательно. Мы как раз про высокую социальную ответственность. Если мы делаем школу, то мы делаем ее сами, для себя. Если мы ее строим, то мы делаем так, чтобы это было с минимумом ущерба для природы и максимумом пользы для людей. Есть дома по 250 квадратов, но это или школа... то есть некая разумность в отношении между собой и отношении с природой.

Почему школа и садик? Вступление маленькое, я люблю много хорошо разговаривать. В какой-то момент мы сидели и думали, окей, а если не дети? Животные, у нас корова, годовалая телочка, буквально позавчера родилась совсем молодая телочка, куры. Но это для выживания – да, для интереса – не очень. Хорошо, кирпичный завод, в кавычках кирпичный завод, зачем тогда выезжать на природу?

Мы пришли к выводу, что дети – самое интересное. Они меняются, они постоянно присутствуют в нашей жизни. Если бы я был на месте государства, я бы оставил льготную ипотеку только в деревне, потому что в деревне детей становится больше всегда. В квартире сложно, в деревне это само собой разумеющееся. Интересно, что мы не одни такие, я у себя в голове кручу, я точно знаю и знаком лично с четырьмя такими же поселениями. Одно в Калужской, Владимирской и Тульской области, которые приехав на землю, отстроившись, пришли к пониманию, что нужно делать школу и общественный центр, потому что без какой-то культуры на селе все теряется. Ты превращаешься просто в дачный поселок, или в лучшем случае, в такую классическую русскую старую деревню образца 30-летней давности.

На самом деле из наших плюсов в плане практики, у нас никогда не было генерального спонсора, никогда не было инвестора, и мы вот эти 20 лет строились, как говорится, снизу. Все, что мы заработали, мы вложили. Заработали – вложили, зарабатываем мы летними

программами, и школы-пансионы семейные. И сейчас это все, наверное, повеселее. Повыше, побольше, побольше домиков, повыше деревья.

(00:35:21)

И мой любимый лозунг, я его где-нибудь себе на мерч обязательно сделаю. В жизни нет черновика. С чего мы столкнулись? Что очень многие, кто хотят, боятся и говорят: А давайте мы сейчас вот здесь в квартире посидим, поживем, а уж в следующую жизнь – там точно сделаем то, что нам очень хочется». И вы будете смеяться, но 80% людей, которые приезжали к нам, говорили примерно так. У вас здесь очень здорово, но мы, пожалуй, поедем в город Москву, потому что здесь легче, проще, понятнее.

Борис Акунин: Люди просто вообще привыкли действовать стереотипически, это понятно. Чем больше будешь выступать, тем больше изменят свое мнение на этот счет, где надо жить. Спасибо. Оксана.

Оксана Осинина: Здравствуйте. Меня зовут Оксана Осинина, и я буду рассказывать о том, как мы ведем пропаганду красоты и расселения из городов. Я живу в Крыму, я туда переехала в 2015 году. По большой любви, первый раз в жизни увидела Крым, и поняла, что все, здесь я чувствую себя дома, и мне срочно надо туда переехать. Это был просто переезд в никуда. У меня не было там ничего, ни одного знакомого человека. Но когда вы это ощущение «я дома» испытываете впервые, невозможно от него отказаться, за ним возможно только следовать. И здесь тогда не нужны никакие гарантии, вообще ничего не нужно. Ты начинаешь следовать, и дальше уже жизнь тебе начинает помогать.

Так вот, в Крыму что мы начали делать? Мы занимаемся такой штукой. То есть мы поняли, что у нас в стране огромный потенциал, и у нас огромные ресурсы, и можно делать вообще все, что угодно. У нас очень богатая во всех смыслах страна. Но для того, чтобы все это происходило, нам нужны, конечно же, люди. И вот как только что звучал пример, нам нужны люди, которые приходят и все время спрашивают – дайте нам, почистите, а когда вы нам дадите, и прочее. Нам нужны люди, у которых сознание не потребителя, не ребенка, потому что потребитель – это ребенок. Он все время думает, что есть кто-то его старше, взрослее, который ему что-то даст. И это сознание потребительства очень долго поддерживалось, практически 30 лет. Те, кто еще застал жизнь в Советском Союзе, помнят, что у нас тогда возвращались люди-творцы, то есть люди, у которых была ответственность, как минимум, за свою собственную жизнь, за то, что человек делает, и за некую территорию вокруг него. Вы помните, что для нас коллективные субботники были нормой в то время?

И чем мы занялись? Мы поняли, что надо срочно менять сознание потребительское, детское, на сознание человека-творца, на созидательное. И делать это какими-то очень простыми вещами, очень понятными. Например, реализовывать потребность человека. Любой человек хочет красиво жить. То есть у нас вообще базовая потребность только в том, чтобы красиво жить. У каждого это свое. Кто-то красиво пошел филармонию слушать, кто-то красиво в горы пошел, а кто-то красиво что-то купил. И чтобы его любили и принимали.

И мы предложили людям две идеи, которые мы начали говорить. Мы начали говорить о том, что нам пора переходить к созидательному мышлению. И вторая идея, которую очень хотелось людям показать, опять же она не новая, это идея сообразить на троих, что вместе мы очень многое можем и можем сделать это легко. То, что один человек может за всю жизнь сделать, если 100 человек собрались, это будет легко и быстро. И для всех хорошо.

Что мы сделали? Мы нашли дома старые в Крыму, самые обычные бабушкины дома. У нас была задача показать людям, что у нас вторая проблема у потребительского сознания, что человеку кажется, что у него вечно чего-то нет. У него что-то не то, ему не хватает того-сего, образования, денег, благ каких-то, еще что-то. И наша задача была показать, что у вас все есть прямо сейчас. Это просто надо осваивать и начинать с этим работать.

(00:40:12)

И что в нашем прошлом есть очень много ценного. И сама-то я, конечно, очень люблю дворцы и усадьбы старинные, но пошли мы просто с того примера, который у каждого либо был в реальной жизни в детстве, либо он об этом мечтал. Просто мы пошли показывать людям, какими могут быть классные обычные бабушкины дома, на которые сейчас никто не обращает внимания, которые сейчас по всей России стоят, великолепные дома. Недавно в Архангельской области роскошный дом смотрели, стоит 600 тысяч рублей.

Но пока эти дома никто не ценит, а на самом деле это правда наше богатое прошлое и большой потенциал. И как раз это некий мост. Я не могу сказать, что мы своей деятельностью вынуждаем, заставляем или показываем пример именно переселения, но мы являемся неким таким мостом между «я хочу», а здесь «я это сделал». А здесь мы показываем, что это не так уж и сложно, меняем какие-то установки. Потому что на слове «деревня» у большинства возникает какая-то очень сложная и трудная жизнь, а на самом деле нет. «А что мы там будем делать, а где мы будем работать?». Мы своей деятельностью меняем парадигму мышления и создаем из сельских, отдаленных или деревенских территорий потенциал манкости, потенциал желаемого. Мы делаем из них то, что является мечтой, и показываем, что, когда человек что-то хочет... Вот я влюбилась первый раз в Крым, и тебя ничего не останавливает, никакая логика не работает. Ты понимаешь, что если ты начинаешь за этим двигаться, то ты найдешь решение под все.

То есть задача, когда мы говорим о развитии сельских территорий, мне очень нравится то, что был пример ваш с Териберкой. То есть самое главное условие – это любовь и внимание. Как только вы начинаете людей влюблять, сторонние ли это люди или это люди внутри, потому что когда мы начали там делать первый проект и первый дом, люди, которые у нас жили на этой территории, там было 15 домов, они... Я когда приехала, сразу увидела и сказала – берем, потому что это вид, который просто сносит голову. Это очень роскошный вид, он вдохновляет так... а люди, которые там живут, этого вида не видят. А что такого? Говоришь: «Да вы что, это просто вид на миллиард!»ц33

А потом, когда они начали уже нашими глазами на свое собственное место смотреть, они начали это видеть. Любовь – это основа и залог всего. Мы взяли обычные бабушкин дома и предложили людям, давайте мы сейчас вместе их все выкупим. Это тоже такая новая форма, она похожа на это, на это. Но это было просто решение. Выкупим и сделаем ремонт все вместе, разделим эту задачу на 100 частей. То есть не 100 собственников, не 100 чего-то, просто у нас есть 100% результата, мы делим это на 100 человек, каждый делает одно действие или один шаг, один процент вкладывает, и у нас у всех вместе получается 100% результат. И это легко, и красиво, и быстро. Это то, что мы тоже хотели показать людям, что вместе очень выгодно и легко что-либо делать.

И брали изначально места, которые не туристические, то есть тоже для того, чтобы оттестировать, насколько быстро мы сможем любую точку ввести и сделать ее известной, просто благодаря любви и вниманию. Все наши дома, они неизвестны, никто до этого про них не знал и про поселки тоже не знал.

Я просто покажу, смотрите, это реально самый обычный дом. И ничего там не было крутого, кроме вида. Прямо обычный, в него так не влюбишься. Но мы влюбились в само место и в вид. Вот он был таким, каким мы его увидели первый раз. Дальше это внутри он, фото, где у нас одна из попечительниц стоит, стены обнимает. Это, кстати, из Москвы она приехала. Я еще скажу, что у нас практически все попечители – это женщины, и они практически все живут в разных городах России. Это не крымчане. Это женщины, которые очень быстро откликнулись. У них любимая фраза была: «Ничего не понятно, но очень интересно». Это прямо «Ничего не понятно, но очень интересно». С мужчинами такой номер бы у нас не прошел.

(00:45:02)

Чем мы занимаемся? Мы все стараемся делать сами. Понятно, что какие-то работы отдаются строителям, но в принципе вторая линия, которую мы ведем, что труд – это привилегия. И вот у нас здесь, например, женщина прекрасная в белом платье, которая кусты стрижет, на самом деле у нее штат садовников своих собственных в Москве. Но она приезжает в Крым, едет за 200 км от своего дома, чтобы кусты подстричь. Вот это ощущение, что ты вместе с кем-то трудишься, и ты видишь вот этот результат, он просто реально в прямом смысле дорогого стоит. Людям хочется это испытывать.

Девушка в купальнике, это мы в прошлом году дом красили сами. Собрались шестером, сказали, нам надо бы поработать, что-то хочется поделаться. Собрались, уехали на два дня, купили извести, по-моему. Долго мы собирались, не знали еще украсить. Потом приезжаем, нам говорят, известь – 200 рублей. И у нас это приключение было. Мы эту известь развели, мы ее загасили.

Борис Акунин: А когда работаешь, то загораешь лучше.

Оксана Осинина: Загораешь лучше. У нас дом на горе стоит, и просто шесть женщин в купальниках красят этот дом, мимо ездят машины и притормаживают. Очень красиво. Все спрашивают, что происходит. Вот такой вот он стал. Я сейчас просто еще раз покажу. Вот

он был, а вот такой он стал буквально через год. Это все результат нашего совместного труда. То есть прям дом – красавчик. Это внутри. Это тоже внутри. Вот это наши виды. Видите, там озеро, гуси ходят. Очень терапевтично. Мы начали это делать в 2020 году. Два года мы это делали. Два года у нас было просто активной работы, когда мы в неделю проезжали по 600 километров, потому что надо было стройку ездить, контролировать. Покупали, что-то делали, строили.

Потом у нас началась спецоперация, и мы поняли, что сейчас надо от, условно говоря, материальных каких-то действий перейти к неосязаемым вещам. И нам на два года пришлось заняться настроем женщин, потому что тоже благодаря этой работе с домами мы увидели, что вообще, в принципе, какой у нас у женщин настрой. Женщина – это проекция жизни. Если у нас женщина приуныла, то это все. То есть ничего не поможет. И два года мы занимались не домами, а женским настроем. У меня есть картина любимая, Макеева. Может быть, вы ее видели. Там женщина стоит, руки в боки. У нас женщины смеются, поза сахарницы. И от уныния мы женщин вели. Мы не можем сейчас позволить никакого уныния. Мы должны встать в эту позу сахарницы и сказать – что мы тут сейчас порядок наведем. И за этим мужчины подтянутся.

Смотрите, самое главное в любом процессе, абсолютно в любом – это любовь и внимание. У нас небольшие итоги по первому дому, который мы делали. С чего мы начинали? У нас там было 15 домов. Мы выбрали самый просто неизвестный поселок в Крыму. Нетуристическое место, далеко от моря, далеко от основной дороги. 15 домов, а фактических жителей было семь, там несколько домовладельцев купили себе по три-четыре дома. И через два года этого движения... Местные не верили. Они просто, когда мы пришли, этот дом смотрели сначала на скале. Здесь нет воды, а дом стоит на скале. Они говорят, что воды не будет никогда. Мы сказали, что будет. И когда мы нашли воду... Женщины всегда знают, будет ли вода или не будет. Если женщина решила, что вода будет, у нее нет шансов. Мы так ее и добывали.

Мы пришли, привели дядю Жору с рамочками. Потом приехала бурильная машина и говорит, что здесь скала, здесь воды быть не может. Вы делали какие-то геодезические исследования? Мы говорим, что нет, у нас дядя Жора с рамочками. Они говорят – вы сумасшедшие, но за ваши деньги попробуем. И мы нашли воду в этот момент. Мы знаем. Местные все пришли. Естественно, тут же повысился... Как только начали люди на эту территорию приходить, начали расти цены. Цены на недвижимость выросли за время нашего пребывания в два или три раза. Если первый дом у нас стоил 1,2 млн, то сейчас это уже стоимость домов в районе 3 млн. Не все продают, а понимают, что что-то в этом месте есть, и надо подождать.

Какие изменения? Появились три новых домохозяйства. Вокруг нас были поля прекрасные, незасеянные. За это время, когда люди увидели, что здесь есть какое-то движение, появились два сельхозпроизводителя.

(00:50:06)

У нас высадили два отдельных человека с разницей в год. Огромные сады. Дом еще окружает сады. Одна семья переехала на постоянное место жительства. 100 человек. Эти люди, которые живут по всей России, наши женщины, они относятся к этому не как туристы, считают это место своим домом. Было семь семей, а тут появилось минимум 100 человек, потому что у каждой женщины тоже есть своя семья. Это место они считают своим. Раньше в Советском Союзе горизонтальную связь делали за счет того, что в армию отправляли служить в другую сторону, или мы ехали на картошку или куда-то. Мы эту горизонтальную связь таким образом через чувствование, через «мое» обеспечили. Более 1000 человек по всей России любят это место конкретное. Наши хотят и мечтают туда приехать.

Борис Акунин: Мы тоже мечтаем. Мы там уже были. Любовь и внимание.

Оксана Осинина: Любовь и внимание – залог. Женское вот это вот – так.

Мужчина: Там у вас семь домов. Ты там самые красивые даже не показала. Как-то очень скромно.

Борис Акунин: Очень скромное выступление. Аня, теперь твоя очередь. Мы с Аней Панихиной приехали вместе из Переславля, соседи. Но ей есть что рассказать отдельно от меня.

Анна Панихина: Здравствуйте. Меня зовут Анна Панихина. И наша история началась в 2017 году, когда мы с мужем и с двумя маленькими детьми приехали в пятницу погулять по Переславлю-Залесскому как туристы. И так влюбились в это место, в эти виды роскошные, в эту землю, что мы просто не уехали. Мы в воскресенье сняли дом, в понедельник уехали за вещами. Муж уехал за вещами, а с понедельника мы начали жить.

Борис Акунин: Видно, что продуманное и рациональное решение.

Анна Панихина: Очень. Это было очень интуитивно. Конечно, примерно решение было такое. Сердцем, не головой, потому что двое маленьких детей в деревне. Мы на последние деньги буквально сняли дом. Дом большой. В таком доме мы жили, на 17-м этаже. Слева нет. Это как раз из того, откуда мы переехали. У нас была консьержка, у нас был огороженный двор, шикарный район в городе Красногорске, Подмосковье. И мы сняли домик и переехали.

Дальше справа картинка. У меня муж занимается столяркой. Он занимался деревянным домостроением. Случайно так получилось, что мы начали искать работу ему, чтобы он там дома строил. Но женщина, соседка говорит –там бревна валяются во дворе, сделай мне из них четыре кровати. Он говорит – хорошо, без проблем. Она дает нам помещение в недостроенном доме. И он вместо постройки домов начал делать кровати. Потом этот дом, в котором мы начали работать как в мастерской, она продала. И мы на какие-то куски последних денег купили вот такую бытовочку, за буквально 17 тысяч он ее оборудовал. И весной мы встретили нашу новую мастерскую в лесу, в деревне недалеко от озера Плещеево. Он начал делать мебель.

Потом я ему помогала, готовила еду буквально в трех шагах от нашей первой мастерской. И осенью стало холодно, и мы поехали в Переславль-Залесский, там буквально 12 километров. Сняли сначала 100 квадратных метров и переехали. У нас организовалась такая уже мастерская. Мы уже начали, нам стали помогать помощники. Спрос на кровати был и не только на кровати. Мы начали делать классные, офигенные проекты. Сейчас мы отправляем нашу мебель уже по всей России. Мы по-прежнему делаем мебель единичную. Она вся из массива, из дерева. Очень ценится. По всей стране есть наши кровати из Переславля-Залесский.

Борис Акунин: Я уже две кровати купил. И каждый раз, даже по благу, приходится стоять в очереди. Несколько месяцев ждать. Так много по всей России желающих.

Анна Панихина: Но самое интересное случилось в 2019 году, когда Борис написал сообщение с мыслью о том, а давай попробуем собрать людей, которые живут рядом. Он заговорил о том, что мы все живем и не знаем друг друга.

(00:55:24)

Кто-то хороший электрик, а кто-то делает классную посуду, кто-то делает мебель, но мы не знаем. Мы живем за этими высокими заборами и абсолютно не знаем друг друга. У Бориса родилась прекрасная идея организовать совместный праздник. Это был 2019 год. Каким-то чудом мы собрали огромную толпу прекрасных людей, деятельных. Мы считаем, что этот день был как раз днем основания нашего большого сообщества, которое сейчас уже насчитывает около 1000 человек. Если семьями считать, то 1000. Единично чуть больше двухсот. Но если семьями считать, порядка 1000 человек не только в Переславле, но и по всей Ярославской области.

У нас ежегодный фестиваль в августе. 10 августа в этом году в Переславле-Залесском. Приглашаем, приезжайте. Фестиваль, на котором мы все выставляем свою продукцию, свои изделия. Планируем сделать большой ВДНХ Переславского края, где будем рассказывать о том, что помимо тех изделий, которые делают участники нашего сообщества, еще что-то большое. Кто-то делает купола для церквей, кто-то лодки мастерит. Очень интересные и деятельные люди. Но это не только русские люди. Вот, например, француз, Фредерик, он переехал, из других стран. Огромное количество европейцев живут, в том числе и в нашем сообществе. Это, например, француз. Он делает самые лучшие десерты. Если в Переславль-Залесском побываете, есть такой Фредерик Андриё. Его вагончик с десертами, который он производит, он находится не в центре, он находится в промышленной зоне, но там выстраиваются очереди. То есть каждый день, даже в будние дни, там очереди. И утром, часов в 11-12, придешь, уже можно и не застать тех прекрасных...

Борис Акунин: Эта история символизирует парадокс того, что мы представляем, является действительностью, а что на самом деле действительностью. Человек живет во Франции, а потом переезжает в маленький город в России, из Переславля перемещается на самую окраину, где продается комбикорма для свиней, кур, какую-то промзону, там стоит вагончик, один, потом второй, один цех, второй кафешка. И туда приходишь, туда ехать

надо, пешком долго идти, хотя город-то маленький. В общем, место вообще некрасивое совершенно. Это не исторический центр. Там стоит очередь из людей за круассанами и какими-то сладостями, которые сам француз печет со своей семьей, продает. То есть где Франция, где этот вагончик в промзоне Переславля. Но оказывается, что человек выбирает именно это.

Анна Панихина: У нас живут американцы, швейцарец, бельгиец, и все они говорят о свободе. То есть они все как один во всех интервью, которые есть очень много на YouTube, можно найти, они все говорят о том, какая свобода здесь для них и для их дела и жизни. Вот, пожалуйста, это тоже Анна Рыбникова. Переехала тоже из центра Москвы. И у них в глухой деревне Мясищево они сделали свою ферму. У них там куча коров, свиношек. И они делают один из лучших сыров в Переславле-Залесском и тоже достаточно успешно ведут свой бизнес и продают.

Борис Акунин: Это дочь знаменитого композитора советского, Рыбникова, который писал для кино музыку.

Анна Панихина: Пишет, да. Вот у нас ребята, тоже семья, тоже переехали. Они купили избу в селе и тоже ее восстанавливают. И сделали бренд Переславля, «Переславский пряник». Открыли сейчас свою чайную в центре города. И вот мы эти пряники лично всем нашим заказчикам, кто мебель покупает, мы всегда передаем. Все очень счастливы получить пряник из Переславля-Залесского.

Огромное количество продукции, которую мы делаем, которую делают участники нашего сообщества. Но мы делаем не только продукцию. Есть такой замечательный фестиваль «Том Соьер Фест». Он проходит по всей России. В том числе и мы взяли шефство над ним в Переславле-Залесском. Я являюсь организатором этого фестиваля в Переславле. За три сезона мы также нашим сообществом объединились. Первый дом, как раз вы видите на фото нашу первую избу, которая расположена в центре города, которую мы взяли и тоже так покрасили и привели в порядок.

(01:00:16)

Это была первая изба. На данный момент мы покрасили за три сезона шесть домов на центральной улице города, волонтерами, на средства партнеров, спонсоров, деньги, которые мы собираем самостоятельно. Сейчас уже шесть домов, в этом году будет седьмой. Помимо всего прочего, то есть мы дома, в фестивале и различные мероприятия, а также открыли свою школу. Также у нас семейное образование. В общем, постоянно жизнь кипит. Стоимость недвижимости в Переславле растет в геометрической прогрессии. Но мы продолжаем двигаться дальше. Творить все вместе, сплоченно в Переславле-Залесском и во всем Переславском крае. Борис в соседней деревне. Борис открыл ресторан в своей деревне. У него ресторан, и мы туда пришли первый раз. А вообще, первый раз мы уже потом поняли, что Андрей как-то ездил, что-то монтировал в деревне Княжево и застрял зимой. Борис его вытаскивал.

Борис Акунин: Вполне, так сказать, нужное знакомство.

Анна Панихина: Нет, свобода не в этом плане. Конечно, они работают по законодательству. И в душе у них. Они говорят про душевную свободу. И про пространство. Огромное пространство.

Борис Акунин: Давайте дискуссию чуть попозже устроим, а то не успеем всем дать слова. Аня, спасибо. Юра.

Юрий Макеев: Здравствуйте, друзья. Меня зовут Юрий Макеев. Я являюсь одним из создателей Петровского деревенского театра в Смоленской области, Темкинский район, деревня Петровка. Также я являюсь художественным руководителем первого и когда-то единственного в России кулинарного театра, который мы назвали «Театр вкуса». Но вы должны сразу понимать, что наш театр не про еду, а про семью. А кулинария, способы приготовления и еда являются предлогом, чтобы поговорить о самом важном. Самое важное, мне кажется, для нашей страны, это должна быть семья. Не потому, что год семьи, а потому что без семьи, без этой матрицы наша страна исчезнет. Но это мое мнение.

Немного о себе расскажу. Мне сейчас 44 года, но когда-то в далеком 1986 году мои московские родители купили в Смоленской области домик, дачу, 200 км от Москвы. Почему они купили именно там, далеко – потому что мои предки, а вот сейчас у меня будет вопрос и к вашим предкам, то есть к вам, у кого предки из деревни, у кого деревенские корни? Друзья мои, мне кажется, это ответ. Мы можем долго рассказывать про себя, я могу про себя рассказать, о любимом, но мне кажется, это ответ, почему мы должны вернуться. Потому что время возвращаться, время любить. Все в истории нам показывает – когда-то кто-то разбросил камни, в наше время их собрать, собрать возле своего погоста, возле своего дома, который, может быть, построил твой дед или прадед, а может быть, это ты сейчас построил, и есть надежда, что твой внук или правнук в этом доме будет тебя поминать. Об этом, собственно говоря, наш проект.

(01:05:00)

В 1986 году, я уже сказал, мои родители купили в Смоленской области домик в деревне. Я в 1986 году, совсем юный мальчишка, влюбился в это место. В 1990 году мои родители решили стать фермерами. Если кто помнит, была такая волна фермеров, кооперации и так далее. Я не помню фамилию, я тогда был еще 10-летним мальчишкой, но в 10 лет я, московский мальчишка, абсолютно влюбился в деревню.

Чтобы вы понимали, я учился за 10 километров от своего дома. Первый год я жил в интернате. Это барак в районном центре возле школы, где нет ни удобств, ни туалетов, ничего. Первый год я там прожил, это были 90-е годы. Я про них могу такое кино снять, что некоторые фильмы отдыхают. Но я про это не хочу говорить, я хочу говорить о добре, о любви, о вере, потому что это созидает. А все остальное, мне кажется, нас разрушает. Потом я сказал, что я буду ходить пешком. Я посчитал, что я переходил Ломоносова в два раза. У меня тяги к знаниям было больше, но знаний было меньше.

Вы знаете, в какой-то момент родители закрыли ферму, потому что рядышком в райцентре был сырзавод, а это было градообразующее предприятие для местных ферм. Фермы стали закрываться, сейчас уже даже не осталось ничего от этих ферм. И мне приходится детям в поля показывать заросшие. Вот здесь был телятник, здесь был скотник, здесь был еще что-то. Это я говорил о совхозных. Наша ферма держалась последней. И кто-то сказал из моей семьи – ну ничего, может быть, будем сюда приезжать как на дачу.

Дальше так случилось, что я стал выпускником Российской академии театрального искусства. Я играл по всему миру с одним российско-британским проектом. Мы играли Чехова «Три сестры» по всему миру. И часто играли в глубинке. Что меня поражало в глубинке, что люди там не хотят уехать в центр. Они хотят жить в своей глубинке. И эта глубинка очень развита с точки зрения быта, культуры и так далее. И мне что-то подобное хотелось делать у себя дома. И тогда я приехал на свою дачу, где моя мама сказала, что Юра, вам ничего не надо, вот эта дача и так далее. Я говорю: «Мам, покупаю соседний участок, заброшенный. И мы строим дом-театр для местных мальчишек и девчонок».

Почему мы решили построить дом-театр? Я пришел в школу. Во многих школах стали прозрачные двери, чтобы можно было наблюдать, что происходит в классе. Я увидел урок географии и видел, как скучают дети. То есть они не верили учительнице, что существует этот мир. Я имею в виду о планете нашей. Существует Москва, их поселок, деревня. А я тот деревенский мальчишка, который видел Австралию, Новую Зеландию и так далее. И я увидел это благодаря театру, благодаря мечте. Это была моя детская мечта. И мне хотелось зайти в этот кабинет и сказать, ребята, а скажите, кто о чем мечтает? Это очень важно, о чем вы мечтаете. Потому что сейчас я вижу здесь не людей, которые дома создают, фермы, семьи, они мечтатели. Может, не получится ничего, но 99% мечтают, что наша страна будет прекрасной, она будет гостеприимной, она будет безопасной. А это происходит не только в мегаполисах.

И хочется приехать в любую деревню России и сказать, неужели это так мы мечтали жить, неужели наши бабушки и дедушки мечтали, что вот такие будут у нас деревни, такие дороги, такие школы, такие законы, вы сегодня задали вопрос, что европейцы чувствуют себя здесь свободными. Это парадокс. А мы иногда как будто не свободные. Свобода внутри нас. Поверьте, мы живем в удивительное время в удивительной стране. Здесь ничего нельзя, все можно, все можно, ничего нельзя. Я живу на земле. Конечно. Я продолжаю. Вот смотрите, у меня тоже борода стала седеть. Я прошу прощения, можно, я закончу презентацию. Мы потом, я уверен, что очень много поговорим, обсудим. Поверьте, я знаю о всех проблемах, которые есть на моей земле, с которыми я сталкиваюсь, сталкиваются те люди...

Но что я хочу рассказать. В какой-то момент я задал вопрос жителям своей деревни. А у нашей деревни есть праздник? Ну то есть, есть День деревни? Я стал поднимать историю деревни. Деревни 300 лет. Представляете, она не вчера появилась, не позавчера, не 10.

300 лет там жили люди. Мы в архивы запрос сделали, узнали, кому она когда-то принадлежала, сколько было домов, что они производили.

(01:10:05)

И я предложил людям отмечать День деревни. Деревня называется Петровки. Я подумал интуитивно, что скорее всего ее назвали в честь Петра и Павла. Потом выяснилось, что есть легенда, что названа она в честь Петра I, потому что у нас река Воря, а в Воря втекает Гжать, а Гжать втекает туда в северные потоки, и строился Санкт-Петербург. И когда вы увидите город Гжатск, он же сейчас город Гагарин, вы увидите, что герб — это лодка с товарами на реке Гжать. Сейчас эту Гжать можно переплунуть. Лодка с товарами станет мостом через эту речку. Лодки — это были наши леса, которые делали из них. Потом строился Санкт-Петербург. Это удивительно.

Когда к нам приехали из Санкт-Петербурга актеры, и кто-то из них говорил, вы знаете, какое-то прям родство, как будто у нас кто-то из предков отсюда. Я говорю, ну поищите, вы, может быть, и не знаете, кто знает. Может быть, кто-то из Смоленщины у вас там в Петербурге живет. Мы стали делать праздник раз в год, это называется День деревни. Мы пригласили соседей. На первый праздник у меня пришло 15 человек. Тут очень важно отметить, что я переехал жить в эту деревню. Это место моего дома. Я дом свой сломал и построил большой дом-театр. Строю его до сих пор, 10 лет. Мы пригласили соседей. На следующий год было 30 человек. Потом 50 человек. В прошлом году более – 200 человек. Мы не всех можем принимать. Мы отказываем людям. Говорим, друзья, у нас просто маленькая деревня. Деревня нерезиновая.

Очень важный момент, что когда я переехал туда с семьей, с детьми. Моя супруга – актриса одного из известного московского театра. Первый вопрос – это образование, медицина и так далее. Много вопросов. Мы получили опыт образования в местной школе. Потом решили попробовать эксперимент, перейти на домашнее обучение. Результат, поверьте, будет только через сколько-то лет, когда мы поймем по нашим детям. Наши дети нам скажут, это был правильный эксперимент или неправильный. Но я знаю точно, что сейчас, через 10 лет, мои дети мне благодарны и моей супруге за то, что мы перешли на домашнее обучение. Потому что, общаясь, уже поступив в Москву, со своими сверстниками, они сказали, пап, как здорово, что мы были дома в семье. Ты даже не представляешь, как они общаются, о чем они общаются. Как здорово, что к нам домой приезжали интересные люди. Как здорово, что были фестивали. Как здорово, как здорово, как здорово.

Мои дети пытаются не материться, хотя их сверстники над ними смеются и говорят, почему ты не разговариваешь, как мы. Он говорит – а вы разговариваете? Но в этом есть тоже конфликт. Я не знаю, ему только 17 лет, а ей 12, а тогда им было меньше, когда они переехали в деревню. Это моя дочь бегаёт с козами. Что мы сделали? Моя супруга мне не поверила, что в этой деревне поселятся люди. Через четыре года после того, как мы там стали жить на ПМЖ, нам стали подселяться семьи. Сейчас у нас плюс четыре семьи. В

деревне за последние 30 лет появилось девять детей. 30 лет в деревне не было ни одного ребенка.

Не скажу, чтобы мы сильно просили, но нам помогла администрация сделать дорогу въезд. Мы сами убираем свою деревню. Мы установили мусорные баки, мы собираем мусор в лесу. Мы даже знаем, откуда он там появился. Там тропочки до дома каждого человека. Каждому человеку, кто почему-то это относил в лес, мы подарили бак для сбора мусора и пакеты. Сейчас пытаемся перейти на отдельный сбор мусора. То есть металл можно сдавать металлоломом. Как правило, мы даем людям, которые социально не обеспечены, мы им сдаем металл, они его сдают. И поверьте, они иногда покупают и еду. Это важно для нас тоже.

Что еще важно? У нас появились животные в радиусе 6-7 км. В начале было 5 км, но, к сожалению, радиус увеличивается. В радиусе 6 км ни в одной из деревень нету сельскохозяйственных животных. То есть ваш покорный слуга до недавнего времени держал самое крупное хозяйство в округе. Это две дойные коровы, несколько телок бычков, несколько коз и жители, то есть бабушки и дедушки. Чтобы вы понимали, что не рафинированный перед вами стоит театрал, который ездит на фестивали, гастроли и так далее. Я пытался местных жителей обучать, потому что ушел навык, это важно. Конечно, я могу поговорить о глобальной проблеме о разрушении цивилизации под названием русская деревня, крестьянская деревня. Конечно, ее невозможно воскресить и возродить без веры, потому что это тот стержень, на котором должно все держаться. И мне радостно, что у нас строится храм, восстанавливается храм, у нас построен культурно-духовный центр схимонахини Макарии. И люди, помимо того, что со всей России, это мотивация для местных.

(01:15:08)

Местные как будто заснули. Это очень важно, пробудить этих людей. Они неплохие, они не идейцы, у которых мы за бусы купим их дома и так далее. Мы купим дома, чтобы им показать, что то, что у них осталось, они могут возродить. Я однажды общался на ВДНХ с профессором из Венгрии, который сказал – у нас была заброшенная деревня, к нам приехали какие-то иностранцы из других стран и сказали, вы можете заниматься экотуризмом. Мы в свое время расписали программу не просто экотуризма, а агротуризма. Местные жители знают, где грибы и ягоды. Мы им сказали – за условную денежку вы можете отвезти наших друзей в леса, показать, где ягоду собрать, где еще что-то. А можете собрать ягоду нам принести и нашим детям показать, на какую кочку можно наступать на болоте, на какую нет, где какая зверюшка и так далее.

Это огромная образовательная и так далее. Там непаханое поле, друзья. Если в городах уже все более-менее у нас хорошо, по крайней мере в крупных, то деревня, она открыта для, побоюсь этого слова, эксперимента, но она открыта для возвращения домой и для возрождения. Мне кажется, это самое важное, что сейчас исторически с нами происходит, когда мы осмыслим вот эти все события, которые происходят. Это импульс, очень мощный импульс повернуться к себе, потому что мы долгое время смотрели туда,

как у них, как они. «А вот вы были в Тоскане, как там делают пасту?» Да мы были в Калужской области, там шикарно делают пасту, только она называется просто лапша. И вы не поверите, их равиоли, это наши пельмени. Поэтому это тоже все прекрасно.

У нас тоже, смотрите, есть такая фотография. Это мы перед ковидом успели поставить спектакль с местными жителями: «Федот Стрелец, удалой молодец». Основная концепция нашего театра, что мы местных жителей, не просто мы актеры-актерочи, играем для них спектакль. Вот мы такие, знаете, белая кость, мы вас сейчас просвещаем, а вы вот тут смотрите. Просто я думаю, что если вы не знаете историю русского театра, то русский театр появился как раз на даче в глубинках. И Антон Павлович Чехов, и Максим Горький, и даже Станиславский, у которого тут недалеко была родительская фабрика, делал театр с народом, с простыми людьми. И потом уже благодаря меценатам, Савве Морозову и другим крестьянам, на самом деле, старообрядцам, возродил частично нашу культуру и наш город. И мы вообще должны быть благодарны, по крайней мере, Москва, купцам, у которых крестьянские корни, все они, и Абрикосовы и так далее.

Так вот, мы делаем спектакли с местными жителями, для них это большое событие, мы очень жалеем, что, к сожалению, мы не можем быстро построить театр, потому что первая строительная компания нам сказала, что за год мы все построим вам, и у нас был план на пять лет. Вот уже 10 лет я со своей семьей строю дом-театр, нам приятно, что в этом году официально нас зарегистрировали, мы прошли определенные круги рая, чтобы попасть домой, чтобы зарегистрировать театр в деревне. И оказывается, это возможно, у нас зарегистрировали, театр в деревне. Мы получили статус автономной некоммерческой организации, потому что есть коммерческие, тут очень важно, наш театр – это некоммерческая история. У нас такая концепция есть, просто так и так просто. Просто так, это вы можете просто так прийти на спектакль, и так просто нас отблагодарить банкой варенья, испеченным хлебом, печеньем и так далее. Мы со своей стороны, с артистами, которых мы приглашаем, мы, конечно, рассчитаемся финансами. Эти финансы мы зарабатываем в городах, когда мы приезжаем на гастроли, играем спектакли, или для каких-то компаний, корпоративов мы играем, рассказывая о деревне, это концепция всех спектаклей.

Если захотите нас поддержать, можете кликнуть и нас поддержать. Что очень важно. Сегодня сказали про любовь, про внимание. У нас еще к этому добавляются две вещи, которые частью наших правил являются. Первое правило – чистые руки, чистая совесть. То есть важно быть честным. Это будет очень сложно, быть честным, говорим мы нашим детям, но это важно хотя бы быть честным перед самим собой. Потом важное правило – все делать с любовью, неважно, что вы делаете, дороги, экономические форумы, печете хлеб или играете спектакли. Делать это с любовью, тогда это будет жить в веках. Если детям спрашивают, как это так, мы говорим, посмотрите на архитектуру, которая стоит столетиями, посмотрите на вещи, которые служат человеку столетиями, и посмотрите все, что ломается. Это, как правило, все сделано без любви, только ради выгоды.

(01:20:13)

Потом мы говорим нашим детям и детям, у которых есть дети, что важно, конечно же, внимание, потому что это важная часть любви. Внимание к деталям, к нюансам, но в первую очередь к человеку, с кем ты что-либо делаешь, а главное, для кого ты это делаешь. И часто задавать себе вопрос – зачем. И четвертое наше правило – это терпение. Спасибо вам за терпение, что выслушали меня. Я окончил.

Борис Акунин: Спасибо. Не получилось по пять минут, но я думаю, что и хорошо, что все было интересно очень. К завершающей части переходим. Осталось у нас два выступления. Илья, Вам слово. Открывать блок теоретический, с одной стороны, с другой стороны, – и практический тоже. Илья – градостроитель, архитектор, человек, который мало времени, хотя и живет, насколько я понимаю, в Москве, но мало в Москве времени проводит, потому что по всей стране ездят для того, чтобы обустроить, так сказать, пространство для тех, кто хочет уехать из мегаполиса. И не только, видимо.

Илья Заливухин: Спасибо огромное. Очень приятно находиться в этой, скажем так, части, по сути, нового мира, который сейчас возникает у нас в стране, потому что, действительно, тренд на... Хотя я сразу скажу, я градостроитель, я занимаюсь развитием больших городов, средних городов, малых городов, до деревни мы еще не дошли, но, тем не менее, это все равно одна из основных мыслей, что вообще нужно специалистов, начиная с власти, то, о чем тут, не знаю, я не видел, кто, но говорил, что какое зонирование, какие правила, какие регламенты. То есть, на самом деле, конечно, мы как специалисты, которые работают, по сути, мы не от власти работаем, мы работаем сами по себе, но, тем не менее, мы работаем по определенным... Это моя профессия – создавать определенные, регламенты, определенные правила, развивать территории.

И тут, конечно, всегда должна помогать администрация. И, в первую очередь, помогать людям, которые инициативные, которые развивают территории своими усилиями, своими знаниями, своей жизнью, по сути, возвращая нас к модели, действительно, более устойчивой. Тут абсолютно очевидно, что город в том понимании, в котором сегодня это происходит, это бизнес-модель, которая абсолютно неестественна. И надо сказать, что, в общем, она, скорее, такая модель для стран третьего мира, которая нам была навязана 30 лет назад.

А, конечно, на самом деле, если мы посмотрим на те страны, которые являются нами сейчас на другой стороне нашего, недружественные страны, то на самом деле у них все достаточно понятно устроено да там есть проблемы явно с идеологией, но не будем сейчас об этом, остановимся на градостроительстве. Там есть города, в которых действительно есть небоскребы, ничего в этом страшного такого нету, то есть практически нету стран, где не было бы небоскребов. Но в то же время они очень грамотно четко поставлены, они ограничены в своем количестве, и вообще люди живут на земле и живут они конечно в частном секторе. И понятно, что все это нужно грамотно спланировать, чтобы это не превратилось в субурбию, когда проблемы, невозможно выехать на машине, все едут в центр. Много разных проблем, но нам не то, что до них далеко, но нам надо действительно пересмотреть модель развития нашей страны, это правда, и как можно

быстрее уйти от хищнической модели комплексной застройки вообще всего и вся жилыми домами, о котором я говорю всегда и везде, что это абсолютно никуда не годится, потому что в дальнейшем это гетеризация территории и так далее.

Вообще многоквартирный дом – это да, они могут быть, но это должна быть очень четко продуманная типология, она должна стоять в продуманном месте, например на пересечении, вне уличного метро московского центрального диаметра и московского центрального кольца, и так далее, для определенного типа людей, для молодежи, которые, может, и не сразу хотят жить в частном доме где-то далеко.

(01:25:03)

Мы ездили когда вокруг Нью-Йорка по частному сектору, где нету забора, все живут в своих домах, и бегают через все это олени, и дети оттуда уезжают в города. Это все сложно, еще одна проблема. Смысл в том что сегодняшняя модель городов – она абсолютно неверная, практически всех наших городов, конечно же, в первую очередь Москвы, за ней следует Санкт-Петербург и дальше все крупные города. Я знаю, можно все перечислить, и, конечно же, нужно делать больше индивидуального жилья в городах, причем даже в крупных. В какой-то момент, я думаю, что и в Москве, в пределах МКАДа появится ИЖС, звучит это сейчас, конечно, дико, но это будет. Не говоря уже о деревне, там есть разные модели, коллеги рассказали, как это живет, я не буду углубляться прям совсем в деревню, где нужно с утра вставать, вечером ложиться, занимаясь сельским хозяйством. Но это другое, мы говорим, я услышал, что люди живут в небольших городах, рядом с этими городами, где-то свой частный дом. И к этой модели мы можем довольно быстро прийти, причем там же будут и козы, и сельское хозяйство, все что угодно, в том количестве комьюнити.

Эта деревня... У меня друзья живут таких комьюнити, но я не знаю, как ее организовывать, она сама пока живет, ей надо помогать, дорогу туда провести. Есть в градостроительстве схемы материального планирования, в этой схеме материального планирования, если есть такая деревня, не только потому что там кто-то прописан, обычно там прописан один человек, специально мой друг айтишник прописался, хотя на самом деле мог бы в Москве, никто из комьюнити не прописался, он прописался чтобы дорогу туда чистили зимой. Но такие вещи должны быть не просто административно, специально прописаться, а власти должны знать регионы, что тут есть комьюнити, они здесь живут, им надо не то что помогать, а обязаны они сделать и чистить эту дорогу. Это то что я хотел коротко сказать. По презентации я очень быстро пробежусь, потому что мы не работаем практически в Москве, мы занимаемся такими городами как Обнинск ...

...Поэтому эта небольшая среда, которая возникла в маленьком городе Наро-Фоминске с фермерским рынком, с набережной и так далее. Но слава богу, что возникла. А дальше мы перешли к городу Череповец, он вроде бы большой промышленный и при этом есть там центральная улица. И я вчера там был, мы реконструировали за деньги «Северсталь», центральную улицу, сделали природные ландшафтные парки. Но смысл не в этом, а смысл в том, что, наверное, такие кадры. И эта последняя картинка, я на ней остановлюсь.

Рядом с ней стоят маленькие домики. И когда немцы еще пленные, строили дома, тоже в Череповце есть маленькие домики. Вот этот ИЖС в городе, без заборов, с улицами и так далее, мне очень нравится. Понятно, что это не деревня, это город, я объяснил, что я не могу показать опыт деревни. У меня не было, меня еще никогда комьюнити не нанимали. А мы все-таки, это наша работа. Вот кто-то делает столы, мы делаем города. Наверное, когда-то дойдет, что нас пригласит комьюнити и скажет: «Как нам тут жить? Как нам организовать?» Но для этого им нужны средства, они должны поэтому вырасти, им надо помогать, начиная с финансирования бизнеса и так далее. В общем, это такой целый комплекс.

Но тем не менее уже сейчас можно и нужно жить в этих городах. Это вот Вознесенский проспект, он идет к храму. Это реализация, мы в 2023 году комплексно реконструировали, сделали линейные сады. Я там лично посадил, расставил эти деревья, потому что там сети, потому что там нельзя ничего сажать. Это все бесконечно можно рассказывать. Но смысл в том, что дальше надо делать следующие шаги и следующие, надо людей запускать туда. Сейчас эти дома часто пустуют, там какие-то офисы, у нас же была программа — всех в МКД. Страшное слово — «в МКД». И эта программа, которая началась, наверное, сто лет назад, довольно долго она уже работает, сегодня ее надо пересмотреть.

Потому что сегодня уже эти МКД имеют гротескный характер. То есть то, что делалось в Советском Союзе, это было практически рай на земле. Те дома, аккуратные пятиэтажки, которые в зелени с минимальной плотностью ставили, никакого сравнения с этими человекниками уже не идут. По-моему, это всем очевидно. Это надо быть уже совсем, чтобы говорить: «Нет, человекники — это замечательно. Давайте вырубим все деревья и поставим эти дома». Понятно, что это чистый бизнес, и в будущем он будет деградировать.

Но есть места в городе, где надо строить небоскребы, но об этом мы говорить не будем. В Москве, в крупных городах, но не надо в Череповце, наверное, это делать, хотя мы там предлагали в одном месте. Просто я хочу сказать, что это все комплексный подход. Не надо тех, кто говорит, небоскреб, знаете, иногда, а вот он, значит, гипер. Нет, я пытаюсь все это уравновесить, сделать так, чтобы были такие...

Борис Акимов: За цветущую сложность, в общем.

Илья Заливухин: Да, но сложность очень большая, но опираться надо на этих людей, которые сегодня в зале, которые уже делают. Я не говорю про себя, потому что на меня тоже можно опираться, я тоже что-то делаю, и не надо нас за это ругать. Потому что общество вообще сегодня очень сложное. Оно как начнет тебя ругать, нас не очень много ругает, но бывает достается и за это, что там снег не убрали. Кто виноват? Я. Почему я виноват, что там снег не убрали? Непонятно. Но смысл в том, что давайте в деревне будем жить, и надо объяснить властям региона стратегические мастер-планы, которые они, может быть, будут сейчас по посланию президента разрабатывать, они должны затрагивать агломерации.

Агломерации — это не развитие МКД. Агломерации — это те самые мини-комьюнити, которые вокруг этих городов живут. Их надо учесть, понять, сделать им дороги, сети, инфраструктуру. Закончу я на инфраструктуре, потому что люди сами построят себе дом, но очень сложно построить его в поле. Нужно сделать туда социальную, инженерную, транспортную инфраструктуру. И ее надо сначала...

Борис Акимов: Не справились все-таки?

Илья Заливухин: Нет, они справились, но это все равно, понимаете, не тем масштабом.

Мужчина: Это долго и сложно.

Илья Заливухин: Да, это всё они, энтузиасты. Я тоже справляюсь, но вопреки всему. Понимаете, у нас страна держится на героях. Это, конечно, хорошо, это прям супер. Но все-таки давайте мы будем героям помогать, которые развивают деревню. Всё, спасибо.

Борис Акимов: Спасибо большое. Предлагаю Олегу Степанову, товарищу и коллеге по нашему проекту «Россия-2062» и «Большая земля» рассказать о том, как же мы все-таки будем жить в будущем, не дожидаясь 2062 года.

Олег Степанов: По-настоящему. Нет, я просто хотел как-то обобщить немножко то, что мы здесь услышали. Поскольку есть действительно большой опыт работы у нас и на Кольском полуострове, и с другой стороны — Краснодарский край, и с третьей стороны — Камчатка, Якутия, Урал и так далее. Много чего видели.

(00:05:20)

И всегда занимались районами, никогда не занимались большими городами. И это очень важно, потому что в районе ты видишь элементарные частицы жизни. То есть ты можешь пересчитать по пальцам людей, и ты можешь пересчитать по пальцам юлица практически. И ты эти взаимодействия все видишь. Но я сейчас не об этом хотел сказать. Я хотел сказать, что просто надо обратить внимание, что эта наша оппозиция, которая до сих пор в голове сидит, и она будет сидеть, потому что она оппозицией задана город-деревня. Город не город. Она задана другой оппозицией, на мой взгляд, — потребление и созидание.

Очень много тех людей, которые выступали как практики, они даже подчеркивали. Оксана, например, подчеркивала, в общем-то, все. Они подчеркивали созидательный не потребительский характер своей, даже не деятельности, а просто жизни. Ведь жизнь не меняется по чьему-то плану. Если она меняется по плану, то это бывает достаточно жестко. И это, наверное, последствия травматичные. Если, например, взять Средневековье и сказать какому-то человеку, хоть в Европе, хоть в России: «Ты знаешь, через 300 лет, через 400 лет люди будут жить в огромных городах, на земле никто почти не будет жить». Он пожал плечами, скажет: «А зачем? Зачем жить у друг друга на головах? Зачем вот эта искусственная среда? Где же земля и все такое прочее?»

Просто изменилась сама жизнь, изменилось производство. И мне кажется, что очень важно понять, что за XX век, а это достаточно короткое время, у нас телега встала впереди

лошади. То есть города возникали, как промышленные центры, те, которые мы видим. Но промышленность из них уже ушла. Больше нет промышленности в городах практически. А в тех, в которых есть, моногорода, это является огромной проблемой. Но потребление и количество товаров, плотность товаров и услуг в городах, она осталась.

И мы рассуждаем как потребители. Даже когда мы говорим о дезурбанизации, мы говорим, что вот некие обеспеченные люди, или некие программисты, или какие-то люди, которые могут работать на удаленке, они все-таки оказывают услуги городу. Но я себя обеспечил, я могу жить в деревне, но так, что я себя тоже обеспечил доступом через курьеров, через онлайн, еще каким-то образом к этим всем услугам и к этому потреблению. Так мы дезурбанизацию можем еще себе представить, но точно она так происходить не будет. Это не дезурбанизация.

Дело в том, что дезурбанизация, скорее всего, может произойти только в том случае, если у нас опять лошадь встанет впереди телеги. То есть это человек, который созидает, который направлен не на потребление. Все, кто здесь переехал, они не требовали убирать снег, они не требовали обеспечить им тепло, они не стучали тапком. Боря, который переехал, они просто взяли скинулись и за миллион сделали дорогу, которая по тендеру стоила бы 10 миллионов. И сейчас в деревню нормальная дорога. А раньше в это время, я два дня назад оттуда вернулся, а раньше я просто помню это, я бы оттуда не вернулся никогда. И Боря бы не приехал точно. Там трактор в это время не проходил.

И дело в том, что сейчас нам трудно представить себе, что для того, чтобы освоить пространство, не нужно вообще ничего. Потому что пространство никогда не пусто. Мало того, оно наполнено очень по-разному в каждой точке. Поэтому нет даже какой-то единой схемы. А вот давайте мы разработаем какой-то, как сейчас любят, пять шагов, делай раз, делай два, делай три. Вот Юра театр в деревне сделал. Они мебель, фестиваль «Счастливый», и начали красить дома. Оксана «Живые дома» в Крыму. Ребята школы завели. Я еще тысячи разных примеров могу привести.

(00:10:05)

И единое у них будет только то, что люди, которым удалось что-то сделать, они были созидателями. Они ничего не просили, они просто работали с тем пространством, которое есть. С горами, с пустыней, с рекой, с лесом, с проблемой, что надо учить своих детей. Еще с какой-то проблемой, которую они видели. И последнее, что я хочу сказать, что с точки зрения градостроения, мне кажется, очень важно. Ведь дело в том, что тот город, который мы сейчас имеем, и который теоретически развивается, и там есть работы градостроителей западных, наших сейчас практически нет теоретических, серьезных, — это все концепция компактного города. Она идет из европейского города, который порвал связи с территорией феодальной, выделился и оградился стенами и завел себе все услуги.

А потом начал, наоборот, на эту территорию наступать при помощи банковской системы, промышленности, торговой системы. Практически колонизуя, урбанизируя все сельские территории, подрывая вообще самоосновы существования сельских территорий. Сейчас европейские, американские экономисты пишут о том же самом, что основы

существования не города подорваны в принципе, даже с точки зрения культуры и социологии. Люди больше не пахут, не охотятся в лесу, они ходят в супермаркет и смотрят мультики.

Это теоретические представления о деревенском некоем жителе, который когда-то был, но сейчас его не существует. Есть русский город, мало того, этот город описан учеными в позднесоветское время. Я советую всем почитать Галину Алферову про русский город. Это не город, который возник, как Москва или Великий Новгород, естественным образом. Она пишет о другом явлении. Она пишет о городах, спланированных за время правления Ивана Грозного и позднее, это XVI и XVII век. Было спланировано по плану и построено 350 городов. Мы об этом практически ничего по истории в школе не проходим. И существуют планы этих городов, они очень похожи на современный генплан.

Это обоснование экономическое, это 3D рисунки, это плоские планы и экологическое обоснование. Этот город с современной точки зрения все-таки не являлся городом. Это, во-первых, был всеобщий город. Во-вторых, он включал в себя природные территории, леса, поля, на которых выгоны для скота. Когда во времена Екатерины стали города перестраиваться как раз по европейской такой модели, являлось проблемой. То есть эти огромные площади Гоголевские, Салтыков-Щедринские, на которые лужа разлилась. Это когда ты перестроил город и накрыл его квартальной сеткой, у тебя появилась лужа.

Но когда город в ландшафт вписан, и когда не срываются холмы, не засыпаются овраги, когда лес не вырубается, а город среди всего этого расположен, это названо было учеными, не мной, ландшафтным, живописным, русским городом. Его трудно назвать городом с современной точки зрения. И при этом все сословия в этом городе, которые жили, они все имели надель. Ты воин, но ты имеешь надел, выгоны, пашню имеешь и так далее. Это напоминает рассуждение Эбенизера Говарда, который вспоминал греческий полис, в котором каждый гражданин, и единственное занятие, которое было достойно гражданина полиса греческого — это обрабатывать свою землю.

Торговать, воевать, даже ремеслом заниматься — это недостойно гражданина. У каждого был надел, и он его обязан был обрабатывать каждый день. Может быть, обратиться действительно к теоретическому наследию градостроения, с одной стороны. Я бы сказал, что это какое-то поселение людей-созидателей. И в экономике, это уже не на этой секции, этот контур созидания, который сейчас совершенно никак экономически не описан, очень важно описать.

(00:15:15)

И вот русская мысль не только о градостроении, но и в экономике, она об этом в свое время говорила, был такой экономист, потом ставший богословом, священником, Сергей Николаевич Булгаков, который в своей работе «Философия народного хозяйства» еще до революции написал, что существует два контура, два приводных ремня экономики. С одной стороны, мы боремся с нуждой, и нам нужно одеться, обогреться, то есть мы потребители действительно, и нам нужен какой-то уровень потребления, но с другой

стороны, существует контур созидания. И этот контур созидания, который он еще в то время писал, в экономике глушится. Его никто не описывает, о нем никто не говорит, но он есть. И если этот контур разбудить, ведь контур созидания — это контур создания ценности. Это то, о чем тоже все здесь говорили.

Ценность учить детей? Ценность. Ценность, чтобы можно было в лес ходить? Ценность. Ценность, чтобы река текла и не мелела, и чтобы там была рыба, и чтобы мы купались там, и дети наши купались? Ценность. Ценность — гармония хотя бы природная вокруг любых поселений? Да, это ценность. В Советском Союзе существовала сеть, например, малых водохранилищ, которые занимались водорегуляцией, и поэтому леса были в приличном состоянии. Я это на территориях конкретно вижу.

30 лет заброшенное водохранилище, поэтому река Гжать, там она переплюйка, ручьи пересохли, лес стареет, умирает, раньше были вырубки, это был научный уход и так далее. То есть ценность создавалась, а мы ее перестали создавать. Нам нужно быть поближе к городу, потреблять. И в деревню мы тоже приезжаем потреблять. Если это не изменится, то действительно страна перестанет осваиваться. А для того, чтобы осваивать страну, нужны просто люди-созидатели, которые осваивают пространство. Не потому, что я хочу здесь что-то потребить, а потому, что я хочу здесь жить. Спасибо вам огромное.

Борис Акимов: Спасибо. В завершении пару слов только скажу, что вот я начал с того, что вот эти первые какие-то идеи переселения из мегаполиса в большие пространства России, где-то в 2011 году меня посетили, я написал такой псевдоманифест что-то по поводу колонизации. Почему я вообще не оптимистичен по жизни и поэтому вот в этих наших мыслях настроен, потому что 2011 год, если почитать, поднять, что вообще происходило в умах, какой дискурс строительный, вообще такой демографический тогда торжествовал, то серьезно абсолютно люди в верхах говорили о том, что есть там 15 мегаполисов в России, это надо всех переселить, а все остальные пространства, как туристы будем осваивать, оставить несколько туристических городков. Вот и всё.

И это говорили не какие-то маргиналы, об этом говорили мэры, какие-то руководители министерств, это был абсолютно серьезный разговор об этом. Сейчас мы находимся в достаточно серьезном мероприятии в Московском экономическом форуме, и наша сессия называется «Осваивать Россию, расселение мегаполисов и новую жизнь сельских территорий». Сама постановка такого вопроса 10 лет назад, даже и пять, была просто невозможна. Если мы начали об этом говорить, начали об этом думать, мы не боимся об этом говорить, нас слышат, например, пространство этого Форума, а значит, все становится лучше, чем было, а значит, шансы оказаться в прекрасной России, не обязательно с 2062 года, а чуть раньше. Будущее у нас всех есть. С чем я поздравляю всех. Спасибо.

(00:23:16) (Конец записи.)